

Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России.

– М.: Изд-во Academia, 2007. – 519 с.

Заметным событием стало уже первое издание данной монографии, в которой были суммированы результаты докторского исследования автора¹. Теперь издано второе, дополненное издание работы, которое и рассматривается. А.В.Репников поставил своей задачей изучить теоретические и прикладные воззрения главных представителей отечественного консерватизма на завершающем этапе существования Российской Империи. В соответствии с глубинным духом консерватизма, всегда исповедовавшего веру в истинность православной церковности, самодержавной царственности и традиционной народности (верующей в Бога и царя), исследователь и строит проблематику работы. В шести главах монографии рассматриваются "теоретические основы консервативного мировоззрения", "представления консерваторов о месте Российской империи в мировом пространстве", "конфессиональный и национальный вопросы"; отдельно, в первой главе, обсуждаются "проблемы историографии и источниковедения", а в завершении книги рассматриваются "взгляды консерваторов на социально-экономические проблемы" России и прослеживаются "судьбы лидеров консерватизма в постреволюционный период". Методологические вопросы исследования рассматриваются во введении. Автор, опираясь на труды коллег и предшественников, исходит из признания ценности русской консервативной традиции. Он вполне обоснованно критикует устаревшие подходы к исследованию отечественного самобытничества, исходившие из заведомого признания его "реакционности". Записывать всех консерваторов в обскурантов недопустимо, поскольку наиболее дальновидные из них стремились сочетать модернизацию России с упрочением её цивилизационного ядра, то есть её христианской государственности. Поэтому вполне обоснованным является употребление автором уже вошедших в нашу литературу таких обобщений, характеризующих консервативный мировоззренческий дискурс, как "консервативная модернизация" и "творческий консерватизм" (С. 9, 12).

Историк исходит из необходимости исследовать консерватизм как "целостный социокуль-

турный феномен", противостоявший как либерализму, так и социализму. Даже и более того. Консерватизм нельзя полностью отождествлять "с охранительством, традиционализмом и откровенной реакцией", хотя он в теории и практике с ними переплетался (С. 12 – 13). В ходе исследования эти тезисы подкрепляются многочисленными примерами того, как честные консерваторы (например Леонтьев, Шарапов, Тихомиров и др.) критиковали представителей политического класса империи за отрыв "правого" дела от церковности, от истинной царственности, когда религия и империя считались одними только привычными инструментами и механизмами без учета их основополагающей богоустановленности. Отсюда проистекает понимание того, что консерватор – это, прежде всего, искренне верующий человек и поэтому сторонник царства, этого естественного проявления христианской государственности. Консерватор стремится видеть русское государство освободившимся от петровской подражательности и никогда не будет отождествлять западный политический протестантизм (абсолютизм) с отечественным самодержавием, которое должно опираться на православную *Симфонию* церкви и царства. Охранитель же мог быть и "правым" революционером, который не видит разницы между абсолютизмом и самодержавием, считая их единым проявлением европейских "истинных" христианских начал. Таким образом, пишет Репников, "любой консерватор – "правый", но не любой "правый" является консерватором" (С. 14).

Такое видение типологии предреволюционного консерватизма позволило автору написать весьма ценную работу. Её теоретическое значение состоит, не в последнюю очередь, в ответе на вопрос, что является действительно ценным в нашей дореволюционной государственности и общественности. Россия в постперестроечное время переживает период естественного возрождения реставрационной ментальности. Работа Репникова помогает понять, что идейнопродуктивной является русская христианская консервативная традиция, тогда, как правое охранительство, стремившееся законсервировать отжившую петровскую подражательную абсолютистскую систему, никак не может быть пугеводной звездой современной России. Историк в этой связи

¹ См.: Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). – М.: Готика, 2006. – 424 с.

приводит яркое высказывание Л.А.Тихомирова, писавшего в 1911 г. к Ф.Д.Самарину о "правых", не понимающих по истине ни православия, ни монархизма: "К сожалению, у нас гораздо больше антисемитов, чем православных, гораздо больше абсолютистов, чем монархистов, и причины бессилия церкви и монархии стали гораздо яснее, чем три-пять лет назад. Понятное дело – что такие люди могут быть только реакционерами, но никак не строителями русских начал...". Поэтому, как проследил Репников, его герой, Тихомиров, предрекал, наподобие Леонтьева, Розанова, Шарапова, скорую победу революции, "... ибо в самом русском обществе все принципиальные и идеальные основы православной монархии – так бледны, что оно не в состоянии дать отпора никакому врагу" (цит. по С. 120).

Историк показал, что трагедией русского творческого консерватизма была его не востребо-ванность политической элитой империи, ментальность которой характеризовалась противоречивым сочетанием либерально-абсолютистских западных настроений в единстве с естественным бытовым традиционализмом. Автор не ставил своей задачей изучение предреволюционного самосознания имперского политического класса, но высказанное определение прямо вытекает из данных, приведенных Репниковым. Ни одно из системных предложений консерваторов не было взято властью на вооружение, что и предопределило тот "кризис верхов", который консерваторы неизменно "диагностировали", пророчествуя о грядущей революции в России. Между тем, как показывает историк, консерваторы вполне бескорыстно предлагали многочисленные "рецепты" излечения устаревшей и захиревшей петровской бюрократической системы управления от решения проблемы представительства ("Земский Собор") на консервативной традиционалистской основе (что выбивало почву из-под ног политиканствующего либерализма, стремившегося к искусственной многопартийности) до недопущения золотого денежного обращения с целью предотвращения оттока звонкой монеты из страны (С. 181 – 183; 384 – 389). Консерваторам, сторонникам подлинной свободы слова в обществе (в сочетании с курсом на нравственную цензуру), не удалось даже добиться права на открытую теоретическую защиту православно-монархических идеалов. Репников приводит много свидетельств того, как консерваторы стремились к пропаганде своих воззрений как среди

интеллигенции, так и в правительственных верхах, занимаясь "систематическим миссионерством" реставраторов русской триады церковности, царства, православного народа (С. 112, например). Но представители власти и охранительная печать препятствовали решению этой благородной задачи апологии церковно-государственных начал именно в то время, когда это было всего нужнее. В монографии, в частности, приводятся примеры преследований свободной консервативной мысли со стороны Д.С.Сипягина, К.П.Победоносцева, М.Н.Каткова (С. 127). К этим случаям цензурного и иного преследования консерваторов можно прибавить и еще один яркий пример. В 1895 г. В.В.Розанов написал яркое сочинение, отстаивавшее начала самодержавной монархии, сильно пострадавшие от петровского абсолютизма, перепутавшего цели царства и технологию его повседневной жизни, когда царь делался рядовым бюрократом, визировавшим грошовой прошения, и постепенно переставал быть "стражем горизонтов" государственности. Розанов позднее писал, что "в статье моей принцип "монархизма" ставился так высоко, точнее – так религиозно, как он не ставился никогда у нас со времен первых славянофилов", но "статья моя была признана "вредною"; и уже сверстанная и готовая к рассылке подписчикам июльская книжка "Русского Вестника" (за 1895 г.) была арестована". Далее Розанов вспоминал, что его попытка заручиться поддержкой Победоносцева не увенчалась успехом и его работа, в которой защита идеи царства поднималась на большую религиозную и философскую высоту, не была возвращена к публикации под фальшивым предлогом, что якобы публика всё неправильно поймет². Так, бюрократия, при непонимании проблемы последними императорами, фактически способствовала успеху либеральной и социалистической пропаганды, стремившейся породить массовое настроение неприятия монархической государственности. Верхи парадоксальным образом помогли собственному крушению в 1917 г., и в книге Репникова содержится много наблюдений, подтверждающих этот вывод. Сам историк заключает в этом же духе: "Одной из причин политического поражения отечественного консерватизма в начале XX века стало то, что правительство и Николай II делали ставку не на творческое

² Розанов В.В. О подразумеваемом смысле нашей монархии. – СПб.: Тип. А.С.Суворина, 1912. – С. 13 – 18.

начало в консерватизме, а исключительно на его охранительную составляющую" (С. 472).

Книга Репникова побуждает профессиональных историков к дальнейшим поискам более правильного понимания типологии отечественного дореволюционного консерватизма. Представляется необходимым ввести в понятийный инструментарий понятие "свободного консерватизма" как самобытного консервативного направления литературы, общественно-политической, исторической и правовой мысли дореволюционной России, которое противостояло официальному охранительству, с одной стороны, и интеллигентскому нигилизму, с другой стороны. Думается, что для понимания такой внутренней структуры консерватизма определение "творческий консерватизм" необходимо, но недостаточно. Действительно, невозможно оспорить наличие больших творческих дарований у Победоносцева. Но известные факты, в том числе и приводимые Репниковым, с несомненностью позволяют утверждать, что обер-прокурор Святейшего синода всеми силами препятствовал свободному обсуждению острых проблем монархической государственности, пресекал, как мог, свободное развитие русской консервативной мысли. До известной степени, то же самое можно говорить о М.Н.Каткове. При всем большом творческом даре эти представители "официальной России" были не более чем охранителями отжившей петровской абсолютистской государственности, а подлинными сторонниками консервативной модернизации являлись свободные консерваторы, представители традиции Карамзина, Пушкина, Жуковского, Вяземского, Тютчева, Хомякова, Киреевского, Ап. Григорьев, Достоевского. Большинство героев Репникова, несомненно, являются представителями именно этой традиции свободного консерватизма, представители которого защищали устои царства и церкви не за должности и награды, а по вере и совести. К.Н.Леонтьев, К.Н.Пасхалов, Л.А.Тихомиров, С.Ф.Шарапов, В.В.Шульгин и ряд других мыслителей и практиков консерватизма, ставших героями книги Репникова, явились проводниками именно свободного консерватизма, стремившегося видеть современную Россию, покоящуюся на своих вековых устоях, освобожденных от петровских абсолютистских искажений.

В рецензируемом исследовании Репникова достаточно свидетельств и выводов, подкрепляющих это суждение. Так, историк пишет: "В

начале XX века охранительный катковско-победоносцевский подход к самодержавию изжил себя, и назрела насущная необходимость разработки политико-правовой модели самодержавной власти" (С. 128, 131). Чем и занялись Л.А.Тихомиров, П.Е.Казанский и ряд других консерваторов-теоретиков. В монографии специально рассмотрена проблема созыва Поместного собора Русской православной церкви, призванного решить давно назревший вопрос восстановления Патриаршества. Показано, как Победоносцев препятствовал консервативным деятелям, стремившимся к восстановлению византийско-русской модели *Симфонии* церкви и царства, ложно утверждая, что "реформа Петра I не оказала тягостного влияния на церковную жизнь" (цит. по С. 280). Тогда как, по свидетельству Репникова, "Антоний Храповицкий, о. Иоанн Кронштадтский, митрополит Евлогий (Георгиевский) и многие другие представители духовенства и консервативные публицисты поддержали правые организации в их стремлении возродить патриаршество" (С. 286). Показал историк и другое отличие свободных консерваторов от охранителей официального типа. Защищая самодержавные устои, они говорили, что их истинность определяется церковным установлением Царства. Так, Леонтьев утверждал самую главную особенность русско-византийского цивилизационного типа, говоря что "Православное Самодержавие есть главный отличительный признак русской национальности" (цит. по С. 294). Этого не понимали представители "официальной России" и их союзники в правых кругах, больше тяготевшие к чистому национализму, растворяя первые два члена триады (церковь, царство) в третьем начале "народности", что искажало истинное соотношение коренных консервативных принципов России (С. 300 – 301). Историк приводит суждение Тихомирова 1911 г., в котором мыслитель-консерватор пишет о гибели "исторической России" как свершившемся факте, поскольку в массе правых казенных патриотов "заглохло понимание, в чем заключается Православие и Самодержавие", которые они признавали лишь номинально (цит. по С. 418). Таким образом, Репников приводит данные, свидетельствующие о том, что свободные консерваторы хорошо понимали суть официального консерватизма, который на деле "подтачивал устои" не меньше, чем радикализм.

Русский консерватизм был развивающимся феноменом, как и отечественный либерализм с

революционным радикализмом. Репников поставил своей задачей комплексное исследование его состояния на самой сложной, завершающей стадии его дореволюционного развития. Историкун пришлось, идя эмпирическим путем, включить в круг своего рассмотрения большое число деятелей консерватизма, теоретиков и практиков. "Базой" для суждений явилось творчество и практические дела более 30-и представителей дореволюционного консерватизма, что достаточно репрезентативно и делает выводы автора хорошо фундированными. Конечно, не все мыслители первого порядка рассмотрены равномерно. Особенно это относится к Н.Н.Страхову и В.В.Розанову. Хотя, конечно, невозможно всё сделать в одном, хотя и весьма содержательном произведении. Бесспорной заслугой автора является изучение деятельности М.О.Меньшикова, Л.А.Тихомирова, С.Ф.Шарапова, К.Н.Пасхалова – ключевых фигур отечественного предреволюционного консерватизма. Причем, о Шарапове и Пасхалове широкие круги историков знают мало, что повышает ценность работы Репникова. Историк привлек обширный круг опубликованных и неопубликованных источников, отложившихся в ряде центральных архивохранилищ (ГА РФ, РГАЛИ, ЦА ФСБ России и др.) Большое практическое значение труда Репникова выясняется и по еще одному обстоятельству. Усиленно занимаясь изучением творчества Тихомирова, Репников ввел в научный оборот многочисленные фрагменты из неопубликованного дневника мыслителя. А недавно историком было впервые подготовлено научное издание "Дневника" Тихомирова за 1915 – 1917 гг., снабженное комментариями³.

Репников находится в центре того круга исследователей отечественного консерватизма, который сложился в России в течение 90-х гг. прошлого века. Он хорошо знает исследовательскую литературу по проблеме, поэтому его историографические штудии имеют самостоятельное значение, и всякому студенту или аспиранту, занимающемуся консерватизмом, целесообразно познакомиться с научным аппаратом монографии. Историкун-профессионалу весьма интересно было бы даже отдельное чтение всей суммы сносок, в которые вынесены и интересные суждения, и многочисленные отсылки к трудам отечественных и зарубежных специалистов. "Подстрочник"

³ См.: Дневник Л.А.Тихомирова 1915 – 1917 гг. / Сост. А.В.Репников. – М.: РОССПЭН, 2008. – 440 с., ил.

занимает более 120 страниц, набранных петитом, что само по себе свидетельствует о глубокой научной проработке проблемы автором. Широта историографического подхода автора видна и из привлеченного им большого числа исследований западных исследователей и используемых памятников консервативной мысли Европы. Труды западных консерваторов Р.Генона, Ф.Ланга, О.Шпенглера, В.Шубарта, Э.Юнгера, Ю.Эволи и др. позволили автору монографии высказать суждения о некоторых типичных особенностях модерного консервативного дискурса, который основан на системе, "провозглашающей иерархию всех сфер человеческой жизни и творчества метафизическим законом существования человека" (С. 148, 149).

В заключение выскажем и пожелания. Некоторые частные выводы нуждаются, на наш взгляд, в уточнении. Во второй главе автор, реконструируя типичные особенности консервативного мировоззрения, делает справедливый вывод, что "склонность к смирению и покорности превозносились российскими консерваторами, как лучшие качества, присущие русскому народу". Далее приводится ссылка на высказывание Победоносцева о нормативности патернализма в христианском государстве, когда власть исходит из мнения о "детском состоянии народной души", которое считается аксиомой. Репников пишет: "В этом контексте Россия представляла, по мнению консерваторов, "семью" с абсолютным отеческим авторитетом..." (С. 124 – 125). В основе своей автор бесспорно прав. Можно даже говорить и о том, что западные христиане-консерваторы высказывали аналогичные мнения, например Т.Карлейль в XIX в. или Э.Юнгер в XX в.⁴ И все-таки надо учитывать, что среди свободных консерваторов тема нормативного "отеческого правления", опирающаяся на христианские ценности, сочеталась с идеей необходимости эволюционного развития гражданской свободы в обществе. Это то явление в консерватизме бёрковского и карамзинско-пушкинского типа, которое делало его, еще по наблюдению кн. П.А.Вяземского, "либеральным", то есть не противоречащим здо-

⁴ Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945). – СПб.: «Владимир Даль», 2002. – С.234; Шульгин В.Н. Письмо английского консерватора русскому социалисту (к вопросу о созвучии идей русского и западного консерватизма) // Образы России в отечественной и мировой словесности, истории и культуре. Материалы Международной научной конференции. – Калининград: РГУ им. И.Канта, 2006. – С. 194 – 195.

ровой модернизации страны. Один из известных "карамзинистов" и консерватор-практик первой половины XIX в. гр. Д.Н.Блудов (1785 – 1864) в этом свободно-консервативном духе писал: "Давно сравнивают Монархическое правление с отеческим, и это сравнение прилично всем Монархиям <...>. Отец есть глава семейства, из младенцев-ли оно составлено, из юношей, или из мужей зрелых летами и опытностью. Но в попечении о младенцах отец обязан сам всё предвидеть, <...>, за них и мыслить, и действовать. Руководствуя юношами, уже недовольно иметь сведение о их главных нуждах и пользах; должно узнавать их склонности, желания <...>. Когда же дети в зрелом возрасте, то самые их мнения имеют необходимое влияние на поступки отца, и зависимость таких детей можно назвать только зависимостью почтения. Управление в двух последних случаях и труднее, и легче, нежели в первом; <...>. Но сей образ правления не может существовать без взаимной доверенности, следовательно без взаимных почти непрестанных сношений между отцом и детьми. Как опасно оставлять младенцев без некоторого принуждения в жертву их прихотям и неразумению; но также опасно неосторожным противоборством возмущать страсти юношей, или, действуя вопреки **советам благоразумия**, унижать себя в глазах сынов, достигших зрелости! А что определяет сию зрелость, кроме **богатства понятий и сведений**, кроме степени просвещения"⁵. Блудов, как и славянофилы, имел в виду определенную зрелость русского *консервативного благоразумного* общества, на которую верховная власть имела возможность опереться как для блага всей страны, так и для укрепления собственных законных прерогатив. Но власть, окруженная казенными охранителями типа Бенкендорфа и Победоносцева, так и не воспользовалась в течение всего XIX в. возможностями просвещенного консерватизма, не созвала Земский собор, не восстановила патриаршество, не устранила запретительную цензуру, не привлекла в должной мере самобытников в состав политического класса. Думается, поэтому, что не следует распространять ошибочное мнение Победоносцева на всех консерваторов.

В третьей главе, посвященной анализу консервативных суждений о монархизме и геополитике России, Репников пишет о сборнике 1911 г. "Ладо" как о малоизвестном феномене консерва-

тивной публицистики, который сопоставлялся авторами этого издания с известными "Вехами". Очевидно, уместно было бы проанализировать взгляды того круга "веховцев", который в ходе революции 1905 г. и в последующем резко эволюционировал слева направо, став заметнейшим дореволюционным проявлением развития отечественного свободного консерватизма. Речь идет, прежде всего, о П.Б.Струве, который повторил переход тихомировского типа от революционаризма к консерватизму, о С.Л.Франке, Н.А.Бердяеве и др., выступивших с резким осуждением радикализма беспочвенной революционной интеллигенции, объективно решительно укрепляя лагерь просвещенного свободного консерватизма.

Русскую консервативную мысль можно уподобить малоизвестному континенту, который в наше время становится все более и более изученным, хотя по его таинственным тропам специалисты продвигаются не так уж и долго. Историческая общественность должна быть признательна молодому и энергичному историку за его плодотворные поиски и находки в этой пока еще недостаточно изученной "части света". Завершая свой труд, А.В.Репников обратил внимание на практическую ценность всего комплекса идей отечественного консерватизма. Историк отмечает: "Консервативная идея, прежде всего, выполняет стабилизирующую роль в обществе. Она удерживает порядок не столько за счёт подавления государством человеческой личности, сколько путём создания неких нравственных барьеров, своеобразной "границы", до которой возможно осуществление новаций. <...> консерватизм способствует сохранению социума и государства" (С. 496 – 497).

Творческое восприятие положительных консервативных идей, которые в принципе не могут умереть, по справедливому мнению автора, "может оказать существенную помощь в выработке политического курса, находящегося по ту сторону "правых" и "левых" крайностей" (С. 499). Эти выводы справедливы.

Кандидат исторических наук,
доцент исторического факультета

Российского государственного
университета им. И.Канта **В.Н.Шульгин**

⁵ Ковалевский Е. Граф Блудов и его время. – СПб.: III-е Отделение, 1866. – С. 250 (выделено мною – В.Ш.).